

Наевшись, я отложил палочки, небрежно вытер рот и бросил:

— Пойду прогуляюсь.

Не успел я и шагу ступить, как Мо Чэ, рванувшись вперед, преградил мне путь и намертво вцепился в руку.

Я попытался высвободиться, но хватка была железной. Сделав жалобное лицо, я пробормотал:

— Да правда же, я просто погулять.

Мо Чэ помрачнел, а его пальцы сжались еще сильнее.

«...»

Последние несколько дней творилось что-то странное. Стоило мне в сумерках собраться на прогулку, как Мо Чэ тут же бросался наперерез. Мало того что не пускал, так еще и кривился, всем своим видом показывая крайнее недовольство.

Признаться, мне было немного совестно. После того случая, когда он едва не обнаружил Фэнхуа, мне пришлось напести ему с три короба. С тех пор Большой молчун, не говоря ни слова, начал вести со мной тихую войну на измор. Поначалу я думал, что у него просто дурное настроение и через пару дней всё пройдет, но становилось только хуже.

Видя, что он мрачен, я оставил попытки уходить в открытую. Стоило ему отвлечься на домашние дела, как я тут же ускользал из дома.

Но не успевал я пройти и половины пути, как какой-нибудь острослов докладывал о моем местонахождении Мо Чэ. Тот реагировал молниеносно: не прошло и четверти часа, как он вырастал передо мной. Прежде чем я успевал даже подумать о побеге, он подхватывал меня на руки и, прижимая к груди, тащил обратно.

— Что ты творишь! Столько людей кругом, тебе не стыдно?! — возмущался я, болтая ногами в воздухе под прицелом любопытных взглядов.

Зрители воспринимали это как бесплатное представление. Видя мой напускной гнев, они лишь посмеивались, прикрывая рты ладонями:

— Сяо Байлянь, кончай ерепениться! Чего тут стыдиться? О твоих делишках с Первым главой в крепости разве что ленивый не знает.

Стоявший рядом мужик хлопнул Мо Чэ по плечу и с серьезным видом добавил:

— Уж постарайся, глава, запри Сяо Байляня дома покрепче, а то опять сбежит.

— Никуда я не сбегаю! — в сердцах выкрикнул я, продолжая тщетно брыкаться.

Но мои возражения потонули в общем хохоте.

— Ну да, ну да! Три дня — четыре побега! Совсем распоясался. Не волнуйся, Мо Чэ, мы присмотрим за ним, если что.

Мо Чэ, не проронив ни звука, лишь благодарно кивнул толпе.

«Благодарно? Тебе-то хорошо, а мне каково?!»

Мои редкие попытки глотнуть свежего воздуха превратились в игру в догонялки. Этот Котелок вечно караулил меня, выставя перед всеми на посмешище. Теперь даже выйти из дома приходилось украдкой, словно вору.

«Я же не преступник, почему нельзя просто выйти через дверь?»

Увы, горький опыт подсказывал: одних желаний мало, когда за тобой следят. И не одна пара глаз, а десятки!

Снова пойманный и лишенный прогулки, я сидел, забившись в угол, и уныло грыз ноготь, косясь на Мо Чэ. Тот то и дело отрывался от дел и проверял, на месте ли я. Похоже, мои прошлые эскапады заставили его всегда быть начеку. Не доверяя мне, он просто притащил меня к себе и теперь занимался своими делами, не спуская с меня глаз.

— Слушай, — нарушил я тишину, почесав макушку, — тебе самому-то не надоело на меня весь день пялиться?

Отложив меч, который он старательно полировал, Мо Чэ серьезно покачал головой и снова принялся за чистку оружия.

— А вот мне... мне надоело. Ты меня раздражаешь, — буркнул я, подперев щеку ладонью и скучая.

Я ляпнул это не подумав, просто чтобы подразнить его, но лицо Мо Чэ мгновенно изменилось. Он словно завял на глазах: плечи опустились, взгляд потух, а губы задрожали, и он до крови прикусил губу.

Я растерялся и замахал руками:

— Да я пошутил! Не принимай близко к сердцу!

Ярко-алая кровь на его губах напоминала каплю росы на лепестке. Но Мо Чэ не повеселел. Тряпка в его руках была уже почти разорвана в клочья, а сам он сидел, низко опустив голову, и молчал.

Настоящая обиженная женушка, которую бросил муж-гуляка.

Не выдержав этого зрелища, я подошел к нему, обхватил сзади и, прижав его голову к своей груди, пару раз похлопал по плечу:

— Ну не делай ты такое лицо. Виноват я, ладно?

Он смутился, покраснел, но вид оставался всё таким же скорбным. Наконец он выдавил:

— Я тебя раздражаю...

— Да это я язык распустил, просто дурачился, — я провел пальцем по его нахмуренным бровям, пытаюсь разгладить складку.

Он посмотрел на меня — взгляд был робким и тоскливым. Помолчав, он вдруг отвернулся и обиженно прошептал:

— Ты всё равно считаешь, что я скучный...

«Ну и капризы начались».

Собрав в кулак всё свое терпение, я мягко спросил:

— С чего ты это взял?

Он выглядел еще более несчастным и лишь плотно сжал губы.

Вспылив, я хотел было уйти, но он мертвой хваткой вцепился в мою одежду. В его влажных глазах читалось немое упрямство.

— Мо Чэ! Если ты не перестанешь вести себя как девчонка, я тебя ущипну, клянусь! — я пригрозил ему пальцами, занесенными над его щекой.

Он не шелохнулся, продолжая смотреть на меня. В его глубоких темных зрачках заплясали искры, маня в свою бездну. Прокушенная губа кровоточила.

Ярко-красный цвет резал глаза.

Вместо того чтобы ущипнуть его, я осторожно коснулся пальцами его подбородка. Поддавшись какому-то странному порыву, я наклонился и слизнул капельку крови с его губ, ощущая солоноватый привкус металла. А затем я легонько прижался своими губами к его губам. На душе вдруг стало удивительно светло и радостно.

Когда я отстранился, Мо Чэ смотрел на меня не мигая. Его взгляд, казалось, прожигал насквозь.

Сердце пропустило удар и замерло. Опомившись, я снова протянул руку и на этот раз с силой ущипнул его за щеку:

— Чего уставился?!

Сам не зная, откуда взялись силы, я вырвался из его рук и, не оборачиваясь, бросился вон из дома.

Солнце давно скрылось. Ночь была безлунной, и черное небо не дарило ни единой искорки звездного света. Я пробежал по крепости круга два и в конце концов опустился на землю под огромным деревом, прислонившись спиной к стволу.

Горная прохлада трепала мои растрепанные волосы. Дыхание сбилось, а в голове круговертью носились обрывки мыслей и образов, заставляя меня покраснеть.

Пальцы, которыми я только что судорожно сжимал ворот одежды, медленно коснулись губ.

«Я... я его поцеловал!»

И это не как в прошлый раз, когда он спал. Тогда я действовал трусливо, а сейчас — прямо и осознанно.

«Но... его лицо...»

Я запрокинул голову, глядя в пустоту небес. В густой черноте мне вдруг померещился его смущенный облик, и я невольно заулыбался.

«Точно, я с ума сошел».

Осознав это, я потрянул головой, пытаюсь прийти в себя.

Вдруг из лесной тени показался силуэт. Мужчина с мечом в руках явно не ожидал меня увидеть. Он достал огниво, высек искру и, поднеся огонек ближе, удивленно воскликнул:

— Сяо Байлянь?

Увидев запыхавшегося Цинь Хуаня, я неловко пригладил всклокоченные волосы и поднялся:

— Цинь Хуань.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он. — Первый глава разве тебя не ищет?

— С чего бы ему меня искать! — при упоминании Мо Чэ мой голос предательски дрогнул и стал громче.

Цинь Хуань убрал меч и тихо рассмеялся, качая головой:

— Да все в крепости знают.

—... Что знают?

— Стоит тебе выйти одному, как Первый глава срывается с места и ищет тебя как сумасшедший. Дрожит над тобой.

В груди разлилось приятное тепло, но язык продолжал упорствовать:

— Это он просто... мается от безделья!

Я выкрикнул это почти сердито, но тут же осекся, глядя на улыбку Цинь Хуаня. Он оскалился, и я замер, не в силах отвести взгляд.

— Что такое? — спросил он, заметив мою заминку.

Я моргнул, возвращаясь в реальность, и смущенно улыбнулся:

— Цинь Хуань, ты улыбаешься.

Он легонько похлопал меня по макушке, задул огонек и сказал:

— А что мне, плакать? Ступай-ка лучше домой, пока Первый глава окончательно не извелся.

— И не подумаю! — отрезал я. — Я пойду к тебе!

Цинь Хуань промолчал. В темноте не было видно его лица. После долгой паузы он вздохнул:

— Ну хорошо. Оставлять тебя здесь одного мне тоже неспокойно.

Он зажег свечу, и тусклый желтоватый свет заполнил комнату.

Дом Цинь Хуаня, как и всегда, сиял чистотой. Хаоса, что был здесь в прошлый раз, как не бывало: следы крови с пола тщательно отмыты, на подоконниках — ни пылинки.

Он налил мне чаю. Я сделал маленький глоток. Чай был простым, но температура — в самый раз. Тонкий аромат наполнил комнату, создавая вместе с мягким светом свечи атмосферу уюта и тепла.

Цинь Хуань сидел напротив меня. Он убрал меч и теперь спокойно смотрел на меня, изредка едва заметно улыбаясь.

Он изменился.

Он всё так же улыбался, но взгляд стал тяжелее, серьезнее. Словно он в один миг сбросил кокон юношеской беспечности и превратился во взрослого мужчину.

Я не знал, с чего начать разговор, поэтому посмотрел на его меч:

— Цинь Хуань, ты в последнее время постоянно тренируешься?

Он проследил за моим взглядом и бережно коснулся ножен:

— Да. Долго не брал в руки оружие, боялся, что совсем позабыл всё, чему учили.

— Вряд ли, ты отлично справляешься, — я едва не ляпнул, что подсматривал за его тренировками, и быстро добавил: — Ты так усердно занимаешься, уверен, ты станешь мастером.

— Мастером... — он задумчиво посмотрел на меч. — Раньше я грезил о небесах, умолял

обучить меня магии, вечно бездельничал и забросил фехтование. Мой клинок успел покрыться ржавчиной, прежде чем я снова взял его в руки... Но теперь, даже если я стану лучшим мечником в мире, я уже потерял то, что хотел защитить больше всего.

В его голосе сквозила такая горечь, что я хотел было утешить его, но он покачал головой, пресекая мои слова:

— Не нужно. Пока я тренируюсь, я о многом думаю. Раньше я не то что других — себя защитить не мог. Вечно полагался на чужую помощь. Чем больше я об этом думаю, тем противнее мне становится. Я хочу тренироваться, чтобы мне больше никогда не требовалась чья-то защита.

«Больше никогда не требовалась защита...»

В полумраке комнаты я сжимал в руках чашку с остывающим чаем и смотрел на лицо, которое больше не светилось прежним задором.

Те слезы, что я видел когда-то — единственные слезы, что по-настоящему тронули меня, — изменили его. После той невыносимой боли человек повзрослел за одну ночь. Повзрослел так, что сердце сжималось от жалости.

Я пригубил чай. Он совсем холодный.

Цинь Хуань проводил меня до двери. Не прошли мы и нескольких шагов, как впереди показался знакомый силуэт, бегущий мне навстречу. Не успел я и слова вымолвить, как меня снова сгребли в охапку.

Я украдкой оглянулся, но Цинь Хуань уже исчез в темноте.

— Лянь... — мужчина, тяжело дыша, прижимал меня к себе так, словно искал целую вечность.

Знакомый запах успокоил меня. Я обнял его в ответ, крепко сжав пальцами ткань его одежды.

На душе было невыносимо тяжело.

Когда мы шли обратно, я смотрел на его спину и вдруг остановился. Мо Чэ тоже замер и мгновенно обернулся:

— Что случилось?

Безлунная ночь была непроглядно черной. Мне вдруг стало не по себе, дорога впереди

казалась зыбкой и неясной. Я крепко сжал его руку и капризно произнес:

— Слишком темно, я ничего не вижу. Держи меня крепче, не дай мне потеряться.

— Хорошо.

Его теплая ладонь сжала мою. Наши пальцы сплелись так тесно, словно мы стали единым целым, и никакая сила в мире не могла бы нас разлучить.

Спокойные дни длились недолго.

Спустя три дня барьер, защищавший крепость, был пробит с пугающей легкостью. Те самые демоны, что в прошлый раз пытались забрать меч, вернулись. Но теперь они были не одни — они пришли подготовленными.

Мы стояли друг против друга. Силы были почти равны.

Нас окружали не только демоны, но и целая свора свирепых зеленокожих тварей — демонических зверей.

Впереди всех, как и прежде, стояла прекрасная женщина в фиолетовом. Ее шелковые одежды были расшиты золотыми пионами, а алая родинка-слеза меж бровей притягивала взгляд. Стоило ей увидеть меня, как ее взгляд мгновенно заledenел, наполнившись жадной кровью.

Рядом с ней стояла юная девушка в розовом наряде из перьев — она выглядела куда дружелюбнее. Заметив, как помрачнела ее спутница, она посмотрела на меня и озорно прищурилась.

Наш большеголовый мужик, Нью Цянь, вышел вперед и громогласно выкрикнул:

— Демонье! Неужто вам так не терпится сдохнуть?!

Цзаньби сохраняла ледяное спокойствие, в ее улыбке сквозила издевка:

— Смешно. Жалкие людишки в моих глазах не более чем пыль под ногами. Живо отдавайте божественный меч!

— Сокровища школы Умин не для таких грязных тварей, как вы!

— Умин? — она расхохоталась. — Старик Умин давно издох от наших клинков. А вы — лишь кучка побитых псов, сбежавших со своего Снежного пика Линшао!

Эти дерзкие слова привели всех в ярость. Люди похватили оружие:

— Наглая тварь! Как ты смеешь так отзываться о людях Умин!

Цзаньби изящно подняла палец и холодно произнесла:

— Я хотела оставить вам целые тела, но раз вы так упрямы, станете кормом для моих зверей. Вскрыть их!

Она взмахнула рукой, и со всех сторон на нас ринулись демонические звери — клыкастые, уродливые твари с безумными глазами.

Битва вспыхнула мгновенно.

Мо Чэ с мечом в руках бросился в самую гущу. К моему ужасу, Цинь Хуань тоже рванулся в атаку, и его целью была лишь одна — женщина в фиолетовом.

Зная, насколько она опасна, я немедленно полетел наперерез. Я успел вовремя: в то мгновение, когда я преградил путь Цинь Хуаню, в дюйме от нас промелькнуло лезвие Пурпурного длинного серпа, обдав могильным холодом.

Цзаньби презрительно усмехнулась:

— Надо же, ты всё ещё жив? Что, хочешь ещё разок отведать человечины? Своих сородичей?

«Отведать... человечины?»

В глазах Цинь Хуаня вспыхнуло яростное пламя. Он стиснул зубы так, что на висках вздулись жилы. Оттолкнув меня, он со всей силы ударил по женщине своим железным мечом, но та лишь небрежным жестом отбила удар. Простой металл разлетелся на куски, а сам Цинь Хуань, отброшенный мощной волной, рухнул на землю, сплевывая кровь.

Демоница холодно улыбнулась. Она перехватила обломок клинка и бросила его прямо в грудь Цинь Хуаня. Я мгновенно спикировал вниз, подхватывая парня и уводя его от смертельного удара, но лезвие всё же задело его руку, оставив глубокую рану.

Цинь Хуань даже не вскрикнул. Его взгляд, полный жгучей ненависти, был прикован к Цзаньби.

Она медленно приближалась к нам, глядя на Цинь Хуаня с издевкой:

— Что, снова будешь на меня так смотреть? Как в прошлый раз? Помнится, тогда ты быстро сломался. Трусливая жизнь — как раз для таких людей, как ты... Для тех, кто сожрал сердца и печень собственной сестры и племянников, лишь бы спасти свою шкуру.

Ледяные слова вонзились в сердце глубже любого меча. Ногти Цинь Хуаня впились в ладони так глубоко, что из кулаков потекла кровь. Вдруг его взгляд стал багровым, и он, обезумев от боли и ярости, вскочил и с голыми руками бросился на демоницу.

Исход был предрешен.

— Цинь Хуань!

Я бросился к окровавленному телу парня. Проверил дыхание — едва уловимая ниточка жизни еще теплилась в нем. Мне стало немного легче.

Я хотел унести его с поля боя, но не успел даже коснуться его руки: у моего горла замер Пурпурный длинный серп. Его лезвие было тонким, как крыло цикады. Оно даже не шелохнулось, но на коже уже проступила тонкая красная линия — выступила кровь.

Она стояла прямо за моей спиной.

Холодный голос Цзаньби, звенящий, словно серебряный колокольчик, прошептал мне в самое ухо:

— Ну а теперь... как именно ты хочешь умереть?

<http://bllate.org/book/17534/1704544>